

репертуар народных песен из разных местных культур. Одно его появление в усадьбах побуждало к пению. Восполнение этого огромного пробела в понимании современной закамской культуры было наиболее плодотворным. Во-вторых, методы работы Николая на местах и его статус позволили общению протекать гораздо легче и глубже: для всех было честью принять его в гостях. Нас приняли действительно как гостей, со всеми традиционными ритуалами гостеприимства.

С 2017 года исследование финансируется за счет французского государственного гранта⁴³ в дополнение к эстонским грантам, и каждый год, иногда два раза в год или чаще, группы ученых проводили полевые работы в Закамье. Люди ожидают нас. Ограничения, связанные с COVID-19, не позволяли нам проводить полевые работы весь 2020-й и часть 2021-го года, и жители деревни выразили свое удивление тем, что нас не было, поскольку привыкли к нашим визитам.

Наконец, с 2016 года нас пригласили на несколько более закрытых ритуалов. Сейчас у нас много друзей и знакомых в этом регионе, и люди заинтересованы в том, чтобы документировать свои семейные ритуалы, что мы с радостью делаем как ради науки, так и для их семейных архивов. Однако эти ритуалы не являются целью данной книги: мы сосредоточимся на церемониях коллективной молитвы, наиболее оригинальной религиозной практике закамских удмуртов.

Традиционные коллективные моления удмуртов в целом и закамских удмуртов в частности

До христианизации удмурты регулярно проводили моления, в которых участвовало население целых деревень и групп деревень. Даже после того, как евангелизация была достигнута, у нас есть свидетельства – как из архивных материалов, так и от ранних исследователей, которые оставили даже фотографии таких грандиозных церемоний, – что первоначально практика не была полностью прекращена (Wichmann I 1987; Sadikov, Mäkelä 2009; Harva 1914). Конечно, евангелизация на основной территории Удмуртии началась рано: она началась в 16 веке, с разгрома

⁴³ IUF 2017–2022 “Étude interdisciplinaire d’une minorité animiste en Russie d’Europe, les Oudmourtes orientaux: rituels, coutumes, engagement communautaire aujourd’hui” (2018–2022) Interdisciplinary study of an animist minority in Russia, the Eastern Udmurt: rituals, customs, and community involvement today”.

Казанского ханства московскими войсками в 1552 году и поглощения территории ханства тем, что становилось Российской империей. Это продолжалось в последующие столетия, достигнув пика в XVIII веке – за тридцать лет до введения относительной свободы религии в Российской империи, то есть до запрета насильственного обращения, когда была создана *Новокрещенная контора* (Kappeler 1982: 277; Brennan 1987: 128–129; Луппов 1999 [1899]: 148). Но то, что было сделано, не могло быть отменено. До 1905 года⁴⁴ отступничество от православия считалось преступлением⁴⁵, поэтому, несмотря на многочисленные попытки (в основном марийцев, финно-угорской группы, проживающей к западу от Удмуртии, которые хотели вернуть свою старую духовность), не было никакого выхода из христианства, к которому их принудили, и они привыкли к нему. Поэтому в конце XIX века, когда этнографы начали использовать фотографию в полевых работах, на основной территории Удмуртии больше не проводились большие моления, поскольку она была полностью охвачена христианством. Однако они продолжались в других местах, и фотографии, которые у нас есть, сделаны в этих других районах. Действительно, на других территориях традиционные удмуртские обычаи не умерли.

Те удмуртские общины, которые не хотели принимать новые правила, бежали и нашли убежище в близлежащих мусульманских районах (Toulouze & Anisimov 2020; Каппелер 1994: 41; Луппов 1999 [1899]: 141–142). Эти районы были малонаселенными, а местное население, татары и башкиры, вели частично кочевой образ жизни. Мусульмане приняли пришельцев, удмуртам разрешили поселиться и соблюдать свои обычаи, но попросили платить налог и арендную плату за землю. Позже они приобрели эту землю в собственность. Хотя ислам также является религией, с сильным миссионерским элементом, и были попытки привлечь новое население к принятию ислама, ситуация полностью отличалась от насильственной христианизации со стороны русских. Попытки обращения в ислам не одобрялись светскими властями, опиравшимися на убеждения и доверие местного населения, поэтому были успешными лишь частично, – несколько деревень в течение XIX века и особенно в его конце решили коллективно обратиться к “татарской вере” (Садиков 2019). Однако большинство удмуртских общин держались в стороне и сохраняли традиции, ради поддержания которых они мигрировали.

⁴⁴ В 1905 был принят новый закон, позволяющий выход из христианства (McCarthy 1973: 308).

⁴⁵ См. Nilüfer Kefeli 2014: 23–24.

Это объясняет, почему имеющиеся у нас фотографии массовых церемоний конца XIX века сделаны из региона за рекой Кама, где удмурты сохранили свои традиционные ритуалы. Некоторые ученые, особенно финны, оставили чрезвычайно ценные свидетельства об этих ритуалах, как в письменном виде, так и на фотографиях (Садиков & Мякеля 2009), позволяющие визуализировать конфигурацию священных мест, поведение населения, одежду, которую они носили. Кроме того, что сами по себе эти свидетельства очень ценны, они также чрезвычайно полезны для сравнительного анализа.

В XX веке удмуртская религия продемонстрировала свою устойчивость. В советский период религия в целом находилась в опале. Государство отвергло ее и запретило влиять на общественную жизнь. Религиозная практика прямо не запрещалась, но не одобрялась, а жертвоприношения крупных животных (коров, лошадей) рассматривались как посягательство на государственную собственность. Давление со стороны государства и его институтов было подавляющим повсюду, хотя с закамскими удмуртами почему-то обращались менее сурово. Вероятно, это связано с аграрной средой, в которой они жили, поэтому партия была менее заинтересована и менее вовлечена в подавление идеологически “неправильного” поведения.

С одной стороны, религиозная практика нашла выражение в рамках официальных правил, как, например, в случае с обрядами плодородия, проводимыми в колхозе. С другой стороны, сильные и упрямые жрецы-жертвователи бросили вызов Коммунистической партии и продолжали проводить свои моления в секретных местах. Конечно, как и везде, молодежь подвергалась воздействию государственной идеологии через школу и армию и не могла присоединиться к старейшинам на проводившихся в рабочее время церемониях, на которых присутствовали только жители деревни, вышедшие на пенсию. Однако, надо заметить, что репрессии никогда не становились настолько жестокими, чтобы полностью препятствовать религиозным практикам.

Таким образом, в районах (см. карту ниже), населенных закамскими удмуртами, в некоторых местах коллективные моления сохранялись на протяжении всего враждебного XX века. В других местах они в определенные исторические моменты исчезли. Причины сохранения и исчезновения разнообразны, но главной из них, в конечном счете, является степень вовлеченности заинтересованных людей (Toulouze & Vallikivi 2021).

Главным действующим лицом в таких церемониях является жрец, лицо, ответственное за проведение моления. В местах, где жрец был сильной и сознательной личностью, традиция сохранялась и передавалась, поскольку требовалось мощное личное участие и мужество из-за постоянного давления со стороны коммунистических властей. В местах,

где эти церемонии никогда не прекращались, мы находим таких жрецов. Но это не единственное условие для сохранения обрядов. Наверное, не случайно главным местом, где моления не прерывались, является Татышлинский район Башкортостана. Этот район обладает тремя характеристиками, которые могли бы способствовать сохранению традиций. Во-первых, существует 19 удмуртских деревень, образующих кластер, так что существует этнически однородная зона, в которой удмуртский является основным языком общения и не был заменен каким-либо другим. Во-вторых, основное население вокруг удмуртского кластера – тюркское. Если полагаться на русскоязычные источники, то основное население – татары. Если прислушаться к удмуртской речи, то оно состоит из “Башкырт” (это общее слово для обозначения тюркского населения (Atamanov 2020: 132)). Если посмотреть на данные переписи, то население в основном башкирское. Мы используем нейтральное выражение “тюркский”, чтобы не участвовать в полемике, для которой нужна специальная подготовка, отличная от описываемой в этой книге полевой работы. Подводя итог, мы должны принять во внимание, что население Башкортостана, согласно переписи 2010 года, составляет 36% русских, 29,5% башкир и 25,4% татар. Исторически сложилось так, что в XX веке процент русских оставался более или менее стабильным – от 42,44% в 1959 году до 36,05% в 2010 году. Баланс между татарами и башкирами, напротив, колебался: если в 1920 году большую часть тюркского населения составляли башкиры (40,13%), с очень небольшим количеством татар (5,17%), то в 1926 году соотношение изменилось (23,48% против 17,55% татар)⁴⁶

Изменение было еще более резким в 1939 году, когда татарское население было даже больше, чем башкирское: 24,60% против 21,25%. Соответствующие позиции татар и башкир оставались в пользу первых до 1989 года, когда татары составляли 28,42%, а башкиры – 21,91%. В ходе последних переписей населения, 2002 и 2010 годов, башкиры вновь стали первым тюркским народом в Башкортостане. Но нужно помнить, что в российских переписях принцип заключается в принятии субъективного представления каждого человека о его/ее “национальности”, то есть этнической принадлежности (см. Toulouze & Vallikivi 2015). Башкиры – одноименный народ республики. С начала 1990-х годов политическая власть в Уфе, особенно при президенте Муртазе Рахимове (1993–2010), проводила агрессивную политику башкиризации, поощряя население объявлять себя башкирами. Поскольку очень маловероятно, что люди с русским этническим самосознанием когда-либо объявили бы себя башкирами, эта политика была в первую очередь направлена

⁴⁶ Это официальные данные Всероссийской переписи населения.

на татар. Действительно, тюркская идентичность разделена между татарским и башкирским сознанием, особенно в Татышлинском районе. Собственно, то же самое можно сказать и обо всей территории, населенной удмуртами. По мнению лингвистов, тюркский язык, на котором говорят в этой области, является промежуточным диалектом между татарским и башкирским, который, в зависимости от убеждений, является либо восточно-татарским, либо западно-башкирским (см. Gabdrafikov 2003, 2007, 2011). Но сам факт того, что соседи удмуртов – тюрки, защищал их от вмешательства в их религиозную жизнь, благодаря слабости миссионерской деятельности православной церкви на мусульманских территориях. Более того, тюркское население меньше стремилось к коммунизму, чем русское. Тюркская идентичность была и остается в некотором роде очень тесно связанной с религиозной идентичностью мусульман. Это привело к тому, что татары и/или башкиры стали более терпимы по отношению к религиозным удмуртам. Некоторые тюркские руководители местных колхозов даже поддерживали удмуртские жертвоприношения, утверждая, что “когда удмурты просят дождя, идет дождь”⁴⁷.

Третьей характеристикой Татышлинского района является его глубоко аграрный характер. Даже районный центр – это село, в котором проживает 6650 человек. Отсутствие вмешательств промышленности в аграрный уклад и исключенность из всего, что Коммунистическая партия считала приоритетным, помогли сохранить традиции.

В других районах, где проживают закамские удмурты, условия были менее благоприятными. Самое большое удмуртское население в Башкортостане проживает в Янаульском районе, административный центр которого, Янаул, официально является городом с 1991 года, и в 2020 году в нем проживало 25 109 человек⁴⁸. Более того, удмуртские деревни в этом районе представляют собой несколько кластеров, они и не образуют какой-либо компактной удмуртской зоны. То же самое и с другими районами – Калтасы, Бураево, Балтачево. В остальных есть только изолированные деревни в чужеродном контексте.

Действительно, в большинстве деревень в какой-то момент коллективные моления были прекращены. Период, когда это произошло, везде был разным. Где-то это случилось в 1950-х годах, но в большинстве случаев – позже, в 1970–1980-х годах. Обычно это происходило, когда исполняющий обязанности жреца умирал и некому было взять на себя его функции. Иногда он сам организовывал преемственность: в дерев-

⁴⁷ Такое часто можно услышать в этом регионе (ПИМА 2013, 2017, 2018)

⁴⁸ См. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BB> (25/06/2021).

не Касиярово Бураевского района в 1990-х годах умирающий жрец, попросил двух своих помощников вмешаться (Sadikov 2019: 265). Но, несмотря на его подготовку, они не стали жрецами, пока в 2015 году давление со стороны населения и трудности в жизни одного из этих потенциальных жрецов, которые он истолковал как наказание за свой отказ, не вынудили его возобновить церемонии.

Это был всего лишь один эпизод в процессе, который начался гораздо раньше, еще в конце 1980-х годов. Еще до распада Советского Союза в удмуртских деревнях произошло религиозное пробуждение. Местные начальники, председатели колхозов или главы администраций, первыми проявили инициативу в реставрации священных мест и строительстве там помещений для удобства жрецов и их помощников, начали думать о возможности возобновления моления в деревнях, где они были прекращены. Они же попросили активных членов деревенских общин и бывших лидеров поискать потомков жрецов, чтобы те согласились бы взять на себя молитвы на церемониях (ПМА 2014, 2015, 2018⁴⁹)

В то же время эта инициатива явно отвечала пожеланиям населения. Этому процессу потребовались годы, чтобы захватить практически все удмуртские деревни, и повсеместно возродились коллективные обряды. В случае обрядов, охватывающих все Закамье, этот процесс привел к очень успешному возрождению. Так обстоит дело с церемонией *Элен вöсь* (Sadikov 2010). Это церемония, известная с конца XIX века, во время которой закамские удмурты собирались из разных деревень и молились вместе. Эта церемония проводилась поочередно между тремя деревнями: д. Кирга в Куединском районе Пермского края, д. Алтаево в Бураевском районе Башкортостана и с. Старый Варяш в Янаульском районе Башкортостана. Моления были прекращены сразу же в 1920-х годах. Хотя было задействовано все Закамье, память об этой церемонии не сохранилась, за исключением трех соответствующих деревень. Именно в д. Алтаево зародился импульс к возрождению этого моления. Алтаево – родина одного из самых уважаемых жрецов-жертвователей XXI века Анатолия Галиханова и его брата Касима. Касим Галиханов – известный архитектор и художник в Ижевске, столице Удмуртской Республики, где он также активно занимается вопросами возрождения удмуртских традиций. Будучи членом Ижевской ассоциации закамских удмуртов, он и глава этой организации Флюра Чибышева организовали возрождение моления *Элен вöсь* в 2008 году (ПМА 2018⁵⁰).

⁴⁹ Беседы в районной администрации, 2014/06; с новым жрецом районного центра, 2015/06; с Юрием Мензариповичем Садыровым, 2018/06.

⁵⁰ Беседы с Касимом Галихановым 2018/07 и Флюрой Чибышевой 2018/07.

Эта важная церемония, в которой действительно принимают участие удмурты из большинства районов Башкортостана и других регионов, населенных закамскими удмуртами⁵¹, была очень показательной в выявлении различий в существующих сегодня традициях (ПМА 2019⁵²), доказывая, что никакой стандартизации церемоний не происходит (мы прокомментируем это позже).

Хотя это не главный сюжет данной книги, важно отметить, что коллективные моления – не единственная ритуальная практика, существующая в этом регионе. Действительно, на всех удмуртских территориях индивидуальные ритуалы сохранились гораздо лучше, чем коллективные. Они были частными и могли выполняться без государственного контроля (см. Toulouze & Vallikivi 2021). Часто даже в тех районах Удмуртии, где сильна Русская Православная церковь, поминовение усопших, сезонные молитвы⁵³, свадьбы, ритуалы, связанные с рождением ребенка, и т.д. проводятся в соответствии с традиционными правилами в синкретизме с христианскими практиками. Но мы на этом не будем останавливаться.

Коллективные моления в Татышлинском районе

Как мы уже упоминали, Татышлинский район в подавляющем большинстве является аграрным, с преобладающим тюркско-мусульманским населением и скоплением удмуртских деревень. Здесь широко сохранилась удмуртская религиозная практика. Это, конечно, не единственное место: в Янаульском районе есть несколько деревень, таких как Каймашабаш, где религиозная практика не прерывалась (ПМА 2019⁵⁴). В Татышлинском районе активная практика охватывает более одной деревни или даже более чем один деревенский уровень. Здесь 19 деревень соединены в церемониальную систему на трех или даже четырех уровнях. Эта система наиболее полно функционирует во время весенних церемоний, цикл которых, как предполагается, завершается примерно в день летнего солнцестояния.

⁵¹ Закамские удмурты населяют не только Башкортостан, но и Куединский район Пермского края. В Удмуртии также проживает много закамских удмуртов.

⁵² *Элен вöсь* 2019, с. Старый Варяш, Янаульский район, Башкортостан.

⁵³ См. Toulouze 2018.

⁵⁴ *Каймашабаш, Ыштійак вöсь*, 2019/07.